

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

М. МАНУЭЛЯН

С К А З К А

Армянская литература, богатая и цветистая, как все литературы востока, насчитывает за собою целый ряд столетий и огромное количество ярких, своеобразных произведений. Народ, долгие века находившийся под игом султанской Турции и царской России, всетаки ухитрился в своем творчестве достигать порою высокого под'ема духа и совершенства формы.

В силу территориально-политических условий, современная литература Армении разделяется на две отрасли: турецко-армянскую и русско-армянскую, из коих последняя, непосредственно близка нам.

Нет ничего удивительного, что основным мотивом в армянской поэзии и беллетристики за XIX и начало XX века является пламенный, настойчивый, неудержимый патриотизм. Оскорбленное бесчисленными насилиями старой Турции и царской России, нескончаемым рабством под иноземным владычеством, национальное чувство армян искало отдушины в литературном творчестве. Великие идеи международного братства, классовой борьбы, пролетарского самосознания еще не консулись тогда литературы Армении.

Величайший армянский патриот-поэт Рафаэль Патканян ярче всех выразил эти национальные чаяния и стремления в своих широко-популярных стихотворениях-песнях. Патканян создал целую школу, целую плеяду последователей как в области стиха, так и прозы.

Раффи, современник Патканьяна, писавший прозой, не менее названного поэта поработал для националистического направления армянской литературы. Исторический беллетрист Мурадан дал целый ряд художественно обработанных образов, оживив память многих великих борцов за независимость родной страны.

Ближе к современности беллетрист Агаровьян, певец ужасов неволи и национальной скорби. В области поэзии мы найдем ряд имен достаточно популярных на своей родине; у всех ярко звучит струнка национальной скорби, вечно горит в стихах огонь ненависти к угнетателям и надежда на возрождение независимой Армении.

Последние мировые события отразились также и на армянском литературном творчестве. Узкий национализм уступил место лозунгам мирового братства, пролетарской борьбы за мировую власть трудящихся, которые нашли свое выражение в произведениях молодого писателя Чаренца, проникнутого марксистскими тенденциями.

Современные поэты-коммунисты Акопян и Терян тоже представляют собою замечательные образцы пролетарского творчества. Акопян был бельмом на глазу у армянской буржуазии еще до революции: он воспевал труд рабочих, бедноту и классовую борьбу. Терян — крупный лирик, сложивший вдохновенные гимны пролетарской революции в России, погиб преждевременно от чахотки, успев дать много вдохновенных лирических произведений. По сравнению с ними остальная современная армянская литература бледна и отстала, хотя новые влияния уже мощно проникают и в нее.

Приводимое ниже произведение М. Мануэляна отличается тем, что в нем совершенно отсутствует националистическая окраска. Мануэляни вообще — бытописатель, чуждый трафарета и печати какого-либо специального направления. Из его рассказов пользуются популярностью: «В пивнушке», «В Сабунчах», «Грабы», «Голод», «В больнице», затем драматические произведения: «Драматические этюды» и другие. Один из последних «Сказка» и помещается ниже. Перевод с такого трудного языка, как армянский, конечно, не передает всех красот подлинника, его певучего языка, его красочных образов, его местной колоритности. Но все же по этой вещи можно судить о таланте М. Мануэляна, который еще не сказал своего последнего слова и в будущем сулит многое.

Г. А.

Действующие лица: Он, его жена, кормилица, первый слуга, второй слуга.

Комната в башне из белого мрамора, на берегу моря, роскошно убранная в восточном стиле. Снизу доносится плеск волн, бьющихся о стены башни. Посредине — три окна. Среднее окно выходит на озеро, образуя в комнате нишу. Окна увешаны дорогими портьерами. Комната убрана коврами и цветами. Справа, у стены — тахта, покрытая тигровой шкурой. Перед ней стол, инкрустированный черным перламутром. Вход — слева.

При поднятии занавеса, у стены, безмолвно стоят двое слуг. Они словно чего-то ждут. Комната слабо освещена лунным светом.

Первый слуга. А если не придет?

Второй слуга. Прибудет.

Первый слуга. Ты знаешь пароль?

Второй слуга. Знаю.

Первый слуга. Море беспокойно, вряд ли сегодня придет. (После некоторого молчания). Ты знаешь, кто он такой?

Второй слуга. Нет.

Первый слуга. Говорят, это ее прежний любовник, гяур какой-то.

Второй слуга. Если бы его выдали мне, я б его изрубил на куски.

Первый слуга. Замечаешь, как сумрачен наш господин?.. Он страшно страдает.

Второй слуга. Я видел, как он плакал. Лет двадцать, как я служу в этом доме, и впервые видел его плачущим. Он очень несчастен. Много было у него детей, но теперь остается в живых только один. Он дрожит над ним, а ребенок такой бледный. Он схоронил двух сыновей, схоронил жену без слез, стальное сердце у него. Я не представлял себе, как этот могучий человек может плакать, но сегодня я видел его в слезах.

Первый слуга. Должно быть, он сильно любит.

Второй слуга. Жизнь его была беспросветной, жестокой ночью. Он никого не любил. Все трепетали перед ним.

Первый слуга. У него такой суровый взгляд... Я не осмеливаюсь смотреть ему прямо в лицо.

Второй слуга. Он очень несчастен. Один только раз я видел его веселым, счастливым. Он радовался, как ребенок... Никогда я не видывал его таким!

Первый слуга. Когда это было?

Второй слуга. Когда наша госпожа впервые вступила в этот дом. Он был ласков даже со слугами... полной пригоршней бросал им серебро.

(Молчание).

Первый слуга. Где он встретил госпожу?

Второй слуга. Не знаю, это длинная история... Говорят, он убил ее возлюбленного, который собирался ее увезти в другую страну. Она давно была у него на примете. Это — дочь какого-то богатого армянина.

Первый слуга. Армянка?

Второй слуга. (внезапно) Шш... тише!.. Не слышишь?

Первый слуга. Нет, ничего.

Второй слуга (напрягая слух). Шш... .

(Легкий свист снизу).

Второй слуга. Оп!

Первый слуга. Спустить?

Второй слуга. Потерпи.

(Свист повторяется).

Второй слуга. Спускай!.. осторожней, сам не показывайся!

Первый слуга. Темно.

Второй слуга. Тише!.... ш... ш... ш... .

(Молчание. Спускают канат, который одним концом привязан к решетке окна).

Второй слуга. Нож при тебе?

Первый слуга. Да. (Молчание). Он схватился за канат... Поднимается.

Второй слуга. Шш... Тише!

(Молчание, доносится всплеск волн).

Первый слуга. Дать ему подняться?

Второй слуга. Я скажу когда.

Первый слуга. Он уже близок.

Второй слуга. Много еще остается?

Первый слуга. Чутьчку.

Второй слуга. Режь!.. Ну!

Первый слуга. Руки дрожат.

Второй слуга. Скорей!

Первый слуга. Не могу!

Второй слуга. Трус!.. дай мне!

(Берет нож и одним взмахом разрезает).

Первый слуга. Готово!

Второй слуга. (Подходя к окну) Ха-ха-ха!.. Кончено!.. Пусть каракает прибрежные утесы!.. Он разбился об острые, черные скалы... Зажги свет!

(Первый слуга зажигает свет. Стук в дверях).

Второй слуга. Кто там?

Кормилица (снаружи). Что случилось?

Второй слуга. Конец!

(Отворяет двери. Входит сторбившаяся старуха. Говорит хриплым голосом).

Кормилица. Конец... хи... хи... хи... Конец... Ладно!

Второй слуга. Вы разобрали что-нибудь?

Кормилица. Ничего!.. Она безмолвна, точно литая из стали...

Ни вдоха, ни слезинки... Я бы выколола ей глаза своими иссохшими пальцами... Истолкла бы в ступе ее нечистое тело... Никакая мука не была в силах развязать ей язык...

Второй слуга. Узнали кто он такой?

Кормилица. Нет.

Второй слуга. А как чувствует себя наш господин?

Кормилица. Он все еще любит ее, эту собачью дочь. С каким бы удовольствием я растерзала ее, перегрызла ей горло, так что б от боли ее глаза вылезли из орбит и чтобы она кусала язык своими зубами... (Делая гримасу). Я выпила бы ее кровь... Скажи, скажи, скажи... Как ее замучить, истязать еще больше?

(В припадке злобы она кусает себе пальцы).

Второй слуга. Лучше бы ей ничего не знать... Совсем ничего... Не надо было ей говорить!.. Тогда бы мы с берега подстрелили этого пса... (Кормилица сурово смотрит на него, собирается что-то сказать, но в эту минуту растворяются двери, и на пороге показывается Он. Его налитые кровью глаза сверкают. В его глазах светится огонь, точно насмешка над сединой. Лет ему под шестьдесят. Лицо строгое, мрачное. Он с минуту в молчании останавливается в дверях, бросая взгляд на слуг, которые безмолвно стоят на месте, сложив руки на груди. Он бросает им мешочек полный монет. Первый слуга поднимает мешочек, и оба молчаливо выходят).

Он. Чем кончилось?

Кормилица. Все сделано.

(После ухода слуг Он несколько раз прохаживается по комнате, подходит к окну и с минуту безмолвно всматривается в даль. Затем он подходит к тахте, накрытой тигровой шкурой, и опускается на нее. Его тяжелое дыхание переходит в стон. Кормилица, которая, стоя у стены, следила взглядом за ним, подходит к нему и опускается на колени).

Он. Она меня никогда... никогда не любила!.. Вся моя проклятая жизнь была беспросветной, жестокой ночью... Мое солнце взошло тогда, когда она вступила ногой в мой дом, и теперь оно закатилось... Снова вокруг непроницаемый мрак.

Кормилица. Вели — и ее солнце погаснет на веки вечные.

Он. Погаснет ее солнце, с ним погаснет и мое: я не в силах жить без нее.

Кормилица. Смерти достойна та, которая похищает честь господина.

Он. Смерть — спасение для нее. Она должна жить.

(Входит жена, бледная, как труп, с распущенными волосами. Ей около двадцати лет. Она бежит к окну, с ужасом озирается вокруг и глядит на старуху, которая поднявшись при ее входе, теперь стоит у стены. Она быстро подходит к мужу и бросается на колени перед ним, хочет что-то сказать, ее губы шевелятся, но не в силах выговорить ничего. Он отталкивает жену и поднимается с места).

Жена. Скажите, что вы с ним сделали? Где он?

Он. Ха-ха-ха!..

Кормилица. Хи-хи-хи!.. он, он там... (указывает на море) Плывет.

Жена (не понимая в чем дело). Там.

(Подбегает к окну и, сейчас же вернувшись на старое место, смотрит то на старуху, то на мужа, и, сообразив в чем дело, подавленная, падает).

Он (дико усмехаясь). Там... он плавает в Красном море, обогренном его же кровью. Когда волна прибьет его нечистый труп к берегу, я прикажу, чтобы снова бросили в море. Он должен стать пищей для рыб, или волна будет бить его столько времени о берег, пока вздувшийся труп не разложится.

(Жена словно не веря слуху, точно до сне, кусает руки, хватается за волосы, чтобы убедиться — сон это или явь. Как безумная, широко раскрыв глаза, она хочет подняться, но снова падает. Говорит шепотом).

Жена. Вы убили его?.. Вы?..

Он. Теперь ты—моя!.. моя!.. только моя!.. моя!.. ха... ха... ха!..

(Жена, внезапно поднявшись, порывается подойти к окну, но Он хватает ее и удерживает силой. Она испускает крик отчаяния, делает усилие освободиться, но это ей не удается).

Он. Ты будешь жить, и я насильно буду срывать поцелуи... пить красный сок твоих уст, слаще нектара. Я высосу твою кровь, пока ты, поблекнув, увянешь, и отшвырну тебя от себя, как растоптанный цветок. Ты будешь жить в оковах вместе с псами, а труп твой... труп будет брошен коршунам на съедение.

Жена (выслушавшая, в ужасе, постепенно поднялась с места. При последних словах она стоит во весь рост, глаза ее яростно горят). Тигр!.. гнена!.. Выслушай же, теперь я буду мстить!.. Три года ты терзал меня, так получай-же в возмездие сторицей за трехлетние муки!.. Слушай-же!.. Он — твой сын!..

(Он точно не понял, что ему говорят).

Жена. Он твой сын!.. Твой единственный сын!

Он (набрасываясь на жену). Я задушу тебя!

(В изнеможении падает).

Жена (отступив на шаг). Бесчестный, я — отомщена, отомщен и он, и чувство мести больше не терзает моего сердца!

Он. Старуха!.. Старуха!..

(Кормилица, подошедши, опустилась перед ним на колени).

Жена. Ты отнял у меня возлюбленного, а я у тебя — сына. Ты целые годы отравлял мое существование своим нечистым дыханием, ты принуждал ласкать лицо, которым я гнушалась. Сколько раз прижимались твои омерзительные уста к моим устам. Я все сносила, молча, безропотно, ради настоящей минуты... Я отомщена! Убий же теперь меня!

Он (при помощи кормилицы поднялся и подошел к тахте. Минуту он, подавленный, сидит. С мольбой). Скажи, скажи, что ты солгала, скажи, что ты это сказала из мести!

Жена. Он твой сын!.. Пусть принесут труп!

Он (кровь ударила в голову). Чудовище! верни, отдай мне сына!

Жена. Поздно, ты больше никогда не увидишь его, он плавает в волнах, обгаренных его же кровью. Острые скалы вонзились ему в бока, и ты, ты его плач!..

Он. Старуха! Схвати ее за горло, задуши! Закрой ей глаза!..

Жена. Его вздутый труп будет биться о стены твоего мраморного замка. Твой слух вечно будет внимать шопот проклятий: Сыноубийца!.. Он будет преследовать тебя во сне и на яву. Не будет тебе покою нигде на земле. Вечно в ушах твоих будет звучать: «Сыноубийца... сыноубийца!» Эта мелодия не даст тебе покою даже в могиле... Чудовище!.. Гнена!.. Убей же теперь меня!

Он (свирепо прыгает с места, обнажает кривой кинжал и одним ударом рассекает грудь жены). Ха... Ха...

Жена. Будь проклят!.. Сыноубийца!.. Я отомщена!.. О, Боже!.. Боже!..

(Умирает).

(Он с диким хохотом сваливается на пол, взор застывает на одной точке).

П а у з а.

Кормилица, (поднимается. Стоит, точно бронзовый истукан. Смотрит в пространство, не мигая. Глухим голосом словно из могилы). Жил — был князь; вся его жизнь — была беспросветной, жестокой ночью. Один только раз он улыбнулся. Много было у него сыновей и все они умерли. Оставался один — он бросил его в море. Одну единственную жепщину полюбил он и рассек ей грудь кривым мечем.

Занавес медленно опускается.

Перевел с армянского

П. Макинцян

